

Философия

А.П. Герасименко

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ПИРРОНИСТОВ

The author are discovering main features Pirronistes's philosophy of law, based on works of Sexti Empirici and Diogenes Laertius.

Пирронистами мы называем в античной философии тех, кого иногда считают скептиками, потому что отношение к скептикам Аркесилая, Карнеад, Энесидем и некоторые другие древнегреческие и древнеримские мыслители сами считали основоположником той философии, которую они разделяли, именно Пиррона. Об этом нам известно главным образом из древнегреческих текстов Диогена Лаэртского и Секста Эмпирика, которые скорее всего были современниками [1]. Важно и то, что сейчас в европейской философии скептиками считают тех теоретиков, которые не выходят из состояния сомнения, отказываясь соглашаться с общепринятыми верованиями и доверяясь лишь очевидной реальности окружающего мира [2], что достаточно серьезно отличается от учения подлинных пирронистов.

Крупнейший из отечественных знатоков античности А.Ф. Лосев, следуя Диогену Лаэртскому, заострил внимание на том, что скептическое умонастроение сосуществовало с иными воззрениями многие столетия, пронизывая в Древней Греции и Древнем Риме художественные произведения, начиная с Гомера и Гесиода; и философские трактаты, начиная с Пиррона (360–270) и Аркесилая (315–241); а также религиозные убеждения. Он считал, что античный скептицизм – это «контрадикторная (т.е. основанная на противоречии всего всему) изостения», потому что «изостения является принципом всей скептической философии», т.к. сводится к равнозначности утверждения и отрицания. Исходный тезис скептиков – невозможность что-нибудь утверждать и наличие для каждого утверждаемого «да» обязательно и отрицательного «нет»; можно признавать только то, что всякое «А» может быть каким-нибудь «не-А». Для скептиков все на свете было одинаково истинно и одинаково ложно. Так как все течет и меняется, то ни о чем вообще ничего сказать нельзя. Все говорят не о том, что действительно есть, но только о том, что им кажется, откуда и происходит та всеобщая противоречивость суждений, которая мешает признать что-нибудь за ложь. Людям следует поступать только так, как поступают все обычно, согласно нравам и порядкам своей страны. А это значит – вообще не знать, как поступать (потому что все поступают по-своему) и оставаться свободным от всего случайного [3].

О скептиках писали все, кто так или иначе интересовался античностью. Но в даже в авторитетных трудах В.С. Нерсесянца или С.Л. Утченко [4] не найти характеристики философии права пирронистов. Мы попробуем понять эту философию, опираясь на тексты «Против ученых» и «Пирроновы положения», созданные, как считается, последним из античных последователей Пиррона Секстом Эмпириком на рубеже II–III веков и переведенные с древнегреческого на русский А.Ф. Лосевым (Ссылки на Секста Эмпирика в тексте даются далее с указанием римскими цифрами номера тома, а арабскими – соответствующих страниц в томе).

О жизни Секста Эмпирика, как впрочем и Диогена Лаэртского, ничего не известно. Нужно отметить, что как

раз Диоген предпочитал философов скептического направления, упоминая и Секста Эмпирика, называть не скептиками, а пирроновцами. Вот его рассуждение: «Все они зовутся по имени учителя пирроновцами, а по их догмам (если можно так сказать) – апоретиками, скептиками, эффектниками и зететиками. Зететиками, то есть искателями, – потому что они всегда ищут истину; скептиками, то есть высматривателями, – потому что всегда высматривают и никогда не находят; эффектниками, то есть сомневающимися, – по их настроению в поиске, то есть по их воздержанию от суждения; апоретиками, то есть затрудняющимися, – потому что в затруднении находятся даже догматические философы» [5]. Кому как, а нам определение Диогена кажется более точным, хотя и не более прозрачным, чем определение А.Ф. Лосева. В конце концов любая философия – это чья-то философия (Сократа, Канта или Ленина, неважно) и каждый может считаться философом лишь как чей-то последователь.

Как и большинство античных мыслителей, Секст Эмпирик полагал, что философия состоит из трех отделов – логики (гносеологии), физики (онтологии) и этики. В первом из этих отделов рассуждения вращаются вокруг «критерия истины»; во втором – о том, что «есть», как в смысле «существует», так и в смысле «является»; в третьем – «касается различия блага и зла» [II, 7–14, 262]. Этический отдел философии, «связанный с вопросом нравственности, есть тот, который находится в зависимости от поведения, обычаев, законов, баснословных верований и догматических положений» [II, 236–237]. Первые европейские философы из этого заключили, что философски правом занимается этика, и навсегда отнесли юридическую проблематику не к гносеологической или онтологической, а исключительно к этической. И сегодня, изучая античную философию, мы ищем мудрствования по поводу права в этике Платона, Аристотеля или стоиков, но не в их гносеологии или онтологии.

Пирронистский подход к праву иной, поскольку не просто сочетает этическое, онтологическое и гносеологическое в рассмотрении юридической действительности, но и утверждает предпочтительность житейской отстраненности в повседневном бытии от неискоренимой склонности рефлектировать по поводу истинности или ложности наличных политико-правовых установлений, вполне оправданно полагая, что любые из них – по ту сторону добра и зла и люди только думают, что создают их или выбирают более для себя подходящие. Секст Эмпирик пишет: «...Каждый из нас, получив совершенное скептическое устройство, по словам Тимона, будет жить «ровно, спокойно, блаженно, тихо, легко, беззаботно, мудрости сладкой пустым слух не вверяя речам» [III, 7]. И еще: «Мы следуем какому-нибудь положению, указывающему нам в соответствии с явлением необходимость жить по завету отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству. Таким образом, придерживаясь явлений, мы живем в соответствии с жизненным наблюдением, не высказывая решительного мнения потому, что не можем быть всецело бездеятельными. Это жизненное наблюдение распадается, по-видимому, на четыре части: первая показывает, как вести себя при побуждениях природы; вторая – под принуждением претерпеваний, третья – при воздействии законов и обычаев, четвертая – при обучении мастерству, а именно: при природном побуждении, вследствие которого мы по природе и чувствуем и

понимаем; под принуждением претерпеваний, вследствие чего голод указывает нам дорогу к пище, а жажда к питью; при воздействии законов и обычаев, вследствие чего мы в общезнании принимаем благочестие за добро, а нечестие за зло; при обучении мастерству, вследствие чего мы не бездеятельны в тех искусствах, которые берем на себя. Причем говорим мы все это, не высказывая решительного мнения» [II, 210-211, 212].

Невозможно не заметить, что и гносеология, и онтология, и этика философии права пирронистов всецело антропоцентричны. Так, рассуждая о «критерии истины», Секст Эмпирик пишет: «Скажем наперед, что критерием называется то, с помощью чего, как говорят, мы судим о существовании и несуществовании и с чем мы считаемся в жизни... Мы говорим, что предпочтительно обсуждаем логический критерий. Но и логический критерий можно употреблять в трех смыслах: «кем», «чем» и «сообразно с чем», как, например, «кем» – человек; «чем» – чувство или мышление; «сообразно с чем» – привлечение представления, сообразно с которым человек принимается судить, опираясь на что-либо из сказанного раньше» [II, 262]. В скептическом стиле подытоживая искания античных мудрецов, он в начале III в., т.е. за семнадцать столетий до Макса Шелера, заключил – «до сих пор помыслить человека не удавалось. Значит, человек и совершенно непостижим. А из этого вытекает, что познание истины не может быть найдено, раз познающий ее оказывается сам не постижимым» [I, 114]. В доказательство Секст Эмпирик приводит слова Сократа («Я ведь не знаю, человек ли я или другой какой-нибудь зверь, более пестрый, чем Тифон»), Демокрита («Человек это то, что мы все знаем») и многих других. Об этом же в другом месте он говорит: «Мне кажется, что человек, судя по тому, что сказано у догматиков, не только невоспринимаем, но и немислим» [II, 263].

В русле пирронистской онтологии Секст Эмпирик поясняет: «...Выражение «есть» имеет два значения, а именно: одно значение «существует»; другое же значение «является». Есть, в смысле существует, – показатель реальности, настоящего. Есть, в смысле является, – мыслится, представляется, но вовсе не таково реально. «...Когда мы, будучи скептиками, говорим: «Одно из существующего есть добро, другое – зло, а третье – среднее между ними», мы ставим это «есть» как показатель не реальности, а являемости». Не так другие: «Все те философы, что в этой области слынут основоположниками, и наиболее ясно, – древняя академия, перипатетики и стоики – обычно говорят, производя деление, что из сущего одни явления суть благо, другие – зло, а третьи – среднее между ними, которое они зовут безразличным» [II, 10, 7].

Многим из современных читателей Секста Эмпирика кажется странным, что античная физика (онтология) отпращивается от учения о богах. Но так ли уж это странно в онтологической части философии права? «Тем, кто философствует догматически, кажется, что рассуждение о богах самое важное. Поэтому они говорят, что философия есть стремление к мудрости, а мудрость есть знание божественных и человеческих дел» [I, 246]. Здесь так и хочется остановиться и, обратившись к текстам по древнеримскому праву, привести из них хрестоматийное для европейца определение: «Правосудие есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом». По Ульпиану, именно от приведенного понятия правосудия получило свое название право как наука о добром и справедливом [6].

Секст Эмпирик продолжает: «Итак, некоторые утверждали, что вожди среди людей, обдумывавшие то, что полезно для жизни, будучи к тому же весьма разумными, впервые сочинили предположение о богах и мнение о том, что рассказывается о преисподней. Именно, поскольку жизнь в древности была звероподобна и беспорядочна

(здесь у автора следует ссылка на Гесиода – А.Г.), упомянутые вожди, намереваясь сдержать несправедно живущих, сначала установили законы для наказания явно несправедных, а затем они сочинили и богов, надзирающих за всеми человеческими прегрешениями и за хорошими поступками, чтобы никто не дерзал и тайно поступать не праведно (здесь у автора следует ссылка на Гомера)» [I, 246]. Далее Секст Эмпирик приводит слова Эвгемера Мессенского (IV в. до н.э.). Он пишет: «Эвгемер, прозванный безбожником, говорит: «Когда жизнь людей была неустойчива, то те, кто превосходил других силою и разумом, так что они принуждали всех повиноваться их приказаниям, стараясь достигнуть в отношении себя большего поклонения и почитания, сочинили, будто они владеют некоторой избойной божественной силою, почему многими и были сочтены за богов» [I, 246]. Похоже, современная история государства и права, не говоря уже об антропологии права, в своих заключениях продвинулась не намного дальше.

Придерживаясь пирроновой позиции, Секст Эмпирик пишет: «Таковы воззрения, высказанные догматическими философами о понятии богов. Мы не думаем, чтобы они нуждались в возражении. Многообразие этих высказываний отражает неведение всей истины, так как при возможности многих способов понимания бога в них не содержится ни одного истинного. Например, думающие, что некие законодатели и разумные люди внушили другим мнение о богах, кажутся не совсем удачно отвечающими на вопрос. Именно, спрашивалось: от какого принципа отправляясь, люди пришли к мысли о богах? Затем, все люди имеют понятие о них, но неодинаковое. Невероятно поэтому, чтобы все люди услышали нечто о богах, будучи собраны законодателями в одно место. Конечно, кто-нибудь на все это может возразить, что законодатели и вообще вожди сочинили такое понятие у каждого из племен отдельно и потому-то разные народы и признают разных богов. Это нелепо. Ведь опять-таки все люди имеют общее представление о боге, по которому это есть некое живое существо, блаженное, нетленное и совершенное в блаженстве, не приемлющее никакого зла. И совершенно нелепо, чтобы все люди случайно восприняли те же самые свойства, а не получили такое познание о них от природы. Поэтому древние люди признали существование богов не в силу постановления и не в силу какого-либо законодательства» [I, 248-249]. Сам Секст Эмпирик, как человек верующий, не разделял представлений многочисленных известных ему безбожников и считал, что «люди получают понятие о боге не от одной величины человекообразного существа, но от того, что оно блаженно, нетленно и имеет весьма большую силу, проявляемую в мире» [I, 251].

По Сексту Эмпирику, как минимум за двадцать столетий до радикальнейших из европейских атеистов, некоторые из античных безбожников утверждали, что представления о боге отталкиваются от представлений о человеческих свойствах – «представив себе человека счастливого, блаженного и исполненного всех благ и затем распространив все это, мы создали понятие бога как превосходнейшего во всем этом» [I, 251]. О сомнительности этого утверждения, словно обращаясь сквозь пятнадцать столетий к небызвестному творцу «американской мечты» Томасу Джефферсону, он рассуждает так: «Ведь для того чтобы мы сначала помыслили человека счастливого, а от него перешли к богу, мы должны помыслить, что такое счастье, по причастности к которому и мыслится счастливым. Но счастье, по их мнению, есть некоторая демоническая и божественная природа, и счастливыми называли они того, кто имел демона в хорошем расположении. Поэтому для того, чтобы понять человеческое счастье, мы должны сначала иметь понятие о боге и демоне; а для того чтобы понять бога, мы должны сначала иметь понятие о счастливом человеке. Следовательно, оба понятия, выте-

кающие взаимно одно из другого, остаются для нас непонятными» [I, 252].

В своей этической части философия права пирронистов весьма прозаична и явно прагматична. Касаясь существа человеческого поведения, обычаев и законов, Секст Эмпирик пишет: «Поведение есть выбор жизненного пути или какой-нибудь вещи, принимаемых одними или многими, например, Диогеном или лаконянами. Закон – писанный договор между лицами, принадлежащими к государству, причем нарушающий его наказывается, нравы же или обычаи (ибо между ними нет разницы) – это общепринятость какой-либо вещи среди многих людей; нарушающий ее не непременно наказывается; например, закон запрещает прелюбодеяние, обычай же не позволяет совокупляться с женщиной на виду у всех. Мы же противопоставляем каждое из этого либо самому себе, либо любому из остального, например, обычай – обычаю следующим образом; некоторые из эфиопов татуируют маленьких детей, мы же нет; и персы считают приличным носить разноцветную и длинную до пят одежду, для нас же это неприлично. Индийцы на виду у всех совокупляются с женщинами, большинство же других людей считают это позорным. Закон же закону мы противопоставляем так: у римлян отказавшийся от отцовского состояния не платит долгов отца, у родосцев же платит непременно. У тавров в Скифии закон требовал приносить чужестранцев в жертву Артемиде, у нас же запрещено умерщвлять человека вблизи святыни. Поведение же противопоставляем поведению, как, например, поведение Диогена – поведению Аристиппа или поведение лаконян – италикам...» [II, 237].

О существе законов и права Секст Эмпирик еще раз весьма откровенно говорит в связи с критикой деятельности риториков и самой риторики, считая, что они «подрывают законы» и не полезны для государства. «Ведь законы, – пишет он, – являются тем, что связывает государства; и как с уничтожением тела гибнет и душа, так с уничтожением законов гибнут и государства. В связи с этим и богослов Орфей, показывая необходимость законов, говорит: «Было время, когда человек пожирал человека, мужа муж убивал сильнейший слабого в пищу». Именно, поскольку никакой закон не имел силы, то каждый владел правом самостоятельно; и, подобно тому как «рыбам и диким зверям и птицам пернатым» было позволено «есть друг друга, когда справедливости не было с ними», так и люди жили вплоть до того времени, пока бог, сжалившись над ними несчастными, не послал им несущих священные законы богинь, которым люди стали удивляться больше за то, что они прекратили беззаконие взаимного пожирания, чем за то, что они обогородили жизнь плодами земли. Но риторика именно подрывает законы. Сильнейшим же доказательством этого является то, что у варваров, у которых или совсем нет никакой риторики, или она скудна, законы пребывают незыблемо, в то время как у тех, кто ее допускает, они становятся новыми ежедневно, как, например, у афинян» [II, 128-129].

Высокий уровень развития юриспруденции в древнегреческих государствах и то значение, которое придавалось там умению дебатировать в народном собрании или суде, были связаны с широким распространением обучения ораторскому искусству, чем и занимались риторики. Высоко ценившие греческую ученость римляне создали собственную правовую систему, в которой судебное красноречие обрело еще большее значение, а сама адвокатская практика стала весьма прибыльным, хотя и не всегда чисто плотным занятием.

Секст Эмпирик пишет об адвокатах так: «Именно, то они призывают иметь в виду буквальные выражения и слова законодателя как ясные и не требующие никакого толкования, то, наоборот, убеждают не следовать ни буквальным его выражениям, ни словам, но его намерению; ведь тот, кто считает нужным наказать человека, направившего на кого-нибудь железо, не считает нужным при-

нять во внимание то, как он его направил (например, в виде кольца для ношения на пальце) или каково оно (например, игла), но, если мы вникнем в его намерение, он хотел покарать того, кто посягнул на жизнь человека. Иной же раз они велят читать законы с выдержками и из оставшейся части составлять какое-нибудь новое положение. Часто они, толкуя двусмысленные выражения, подтасовывают такое значение слов, которое бы им подходило. И они делают тысячи вещей для ниспровержения законов. На этом основании один византийский оратор, когда его спросили, в каком состоянии находятся византийские законы, ответил: «В каком я хочу». Именно, как шарлатаны обманывают зрителей ловкостью рук, так и риторики при помощи крючкотворства морочат судьям голову, отнимая тем самым голоса у законного решения» [II, 129].

Как обычные люди обращаются к старшим в надежде на житейское поучение, так и философы изучают труды предшественников стремясь найти среди них единомышленников. И точно так же, как обычный человек с удивлением и разочарованием очень быстро начинает понимать, что у старших можно научиться чему угодно, кроме умения жить если не счастливо, то хотя бы спокойно, любой философ рано или поздно обнаруживает, что у него нет ни одной мало-мальски интересной идеи, которой не удалось бы найти в старых текстах.

Это становится совершенно очевидным, когда читаешь Секста Эмпирика. Более того, как обычный человек, философ и живет обычно (а часто, на взгляд благополучного обывателя, попросту безобразно), хотя может поучать других, что им нужно или должно делать чтобы гордиться собой, страной, да и вообще жить правильно.

Массу поучительного в этом смысле о последователях Пиррона рассказывает Диоген Лаэртский. В философии права пирронистов нетрудно обнаружить одну простую мысль – о политико-правовой реальности никому не заказаны и возможны взаимоисключающие суждения, каждое из которых не больше истинно, чем другое; но жить философу нужно так, как живут все остальные люди по законам своего государства, будь оно правовым и демократичным или партийным и тоталитарным, потому что, даже перебравшись в поисках лучшего из одного в другое, ты все равно будешь жить по этим законам. Всегда лучше рассуждать как Секст Эмпирик: «...Реальность некоторого порядка жизни...похожа скорее на бессильное упование. В самом деле, каждый человек, применяясь к разнообразию и пестроте встречающихся ему вещей, никак не может сохранить одного и того же порядка жизни, а особенно человек разумный, имеющий в мыслях непостоянство судьбы и непостоянство вещей» [II, 42].

В самом начале своих «Пирроновых положений», явно предваряя возможные недоразумения и возражения по поводу адекватности собственного прочтения старых и новых философов, Секст Эмпирик написал: «...Ни о чем из того, что будет высказано, мы не утверждаем, будто оно обстоит во всем так, как мы говорим, но излагаем повествовательно каждую вещь согласно с тем, как это ныне нам кажется» [II, 207]. Этими словами нам хочется завершить и свое, может быть не вполне повествовательное, истолкование сути философии права пирронистов.

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986; Секст Эмпирик. Соч. в 2 т. – М., 1976.

2. Дидье Жюлиа. Философский словарь. – М., 2000.

3. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Соч. в 2... – С. 5-58.

4. Нерсисян В.С. Политические учения Древней Греции. – М., 1979; Он же. Право и закон. Из истории правовых учений. – М., 1983; Он же. Платон. – М., 1984; Он же. Сократ. – М., 1984; Он же. Философия права. – М., 1997; Утченко С.Л. Цицерон и его время. – М., 1972; Он же. Политические учения Древнего Рима. – М., 1977.

5. Диоген Лаэртский. О жизни... – С. 354.

6. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. – М., 1997. – С. 157-159.